

ББК 81я21, 83.3
УДК 81'373, 82.0

DOI 10.52172/2587-6945_2021_17_3_43

Я. М. Марголис¹

Трип университет, Германия
Universität Trier, Universitätsring 15, D-54296 Trier
jakob_margolis@gmx.de

ЭГОЦЕНТРИЗМ ПОЭТОВ РАЗНЫХ ЭПОХ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоён
И. Северянин «Эпилог»

Мы сомкнутым строем в коммуно идём
В. Маяковский «Товарищу подростку»

Статья посвящена сопоставительному анализу соотношения личных местоимений «я» и «мы» в стихах русских поэтов разных эпох: от XVIII века до наших дней. Введено новое понятие «коэффициент эгоцентризма» (КЭЦ) равный отношению частоты употребления местоимения «я» к частоте употребления местоимения «мы» в стихах поэтов. Выбраны шесть групп ведущих поэтов: XVIII века (10 поэтов); XIX века, Золотого века русской поэзии (10 поэтов пушкинской эпохи); первой половины XX века, включая Серебряный век (15 поэтов); второй половины XX века (15 поэтов) и первых двух десятилетий XXI века – 14 российских поэтов и 10 русскоязычных зарубежных поэтов.

Для каждого поэта по репрезентативным корпусам стихов найдены местоимения «я» и «мы», посчитаны КЭЦ поэта и среднее КЭЦ по группе. Определено, что из 74 выбранных поэтов большинство имеют КЭЦ выше единицы, т. е. местоимение «я» встречается чаще, чем местоимение «мы», но имеются три поэта с КЭЦ ниже единицы. Показано, что КЭЦ увеличивается от XVIII

¹ Марголис Яков Моисеевич, математик, статистик, Dr.-Ing., литератор, фрилансер, Штутгарт, Германия.

до XIX века, наиболее эгоцентричной группой являются поэты Золотого века (среднее КЭЦ пушкинской эпохи около 7). Затем среднее КЭЦ плавно снижается до 4,5 у поэтов Серебряного века, до трёх у поэтов второй половины XX века и далее до наименее эгоцентричной группы – русскоязычных зарубежных поэтов XXI века (среднее КЭЦ по группе 2). В русском поэтическом языке происходит снижение КЭЦ – коэффициента эгоцентризма во времени и выравнивание употребления в стихах личных местоимений «я» и «мы» от эпохи Пушкина до наших дней.

Ключевые слова: эгоцентризм поэтов, коэффициент эгоцентризма, местоимения «я» и «мы», Золотой век, Серебряный век, русская поэзия, сопоставительный анализ, частота употребления местоимений, словоупотребления, русские поэты XXI века, словарь, конкорданс, цифровой поэтический корпус русского языка

Введение

Термин «эгоцентризм» был введён в научный обиход выдающимся швейцарским психологом Жаном Пиаже, основателем генетической эпистемологии и теории когнитивного развития [20]. Пиаже занимался исследованием развития мышления и речи детей в разные периоды их жизни. Суть термина «эгоцентризм» понятна из названия: в центре представлений ребёнка об окружающем мире стоит его «я», а весь мир, и «мы» в нём, вращается вокруг него. Хорошо известен эксперимент Пиаже, когда ребёнок на вопрос – сколько у него братьев и сестёр – отвечал верно. А на вопрос – сколько у его брата сестёр и братьев – отвечал на единицу меньше, поскольку не причислял себя к кругу детей, а сознавал себя в центре круга. У детей с возрастом и появлением «жизненного опыта» эгоцентризм убывает и социализируется общение со сверстниками, появляется понимание того, что, кроме «я», существует ещё «мы»: группа в яслях, в детсаду, класс в школе, друзья и т. д. Ж. Пиаже выделял несколько периодов жизни ребёнка, и в одном из них эгоцентризм детей, *их речи* достигал максимума, а потом начинал постепенно снижаться.

Поэты – это не выросшие дети. Они любят свои стихи, как дети любят свои игрушки. Эгоцентризм поэтов проявляется в их речи, в их поэтическом языке (ПЯ), он совершенно естественен для поэтов. Однако эгоцентризм ПЯ меняется от поэта к поэту, от эпохи к эпохе, также как у детей с возрастом. Поэтому интересно проследить его динамику, изменения во времени, сделать сопоставительный анализ и, возможно, обнаружить наличие максимума эгоцентризма в определённой эпохе развития поэтического языка.

Для этой цели были выбраны шесть групп ведущих поэтов разных эпох: XVIII века (10 поэтов); XIX века, Золотого века русской поэзии (10 поэтов пушкинской эпохи); первой половины XX века, включая Серебряный век (15 поэтов); второй половины XX века (15 поэтов) и первых двух десятилетий XXI века – 14 российских поэтов и 10 русскоязычных зарубежных поэтов Украины, Беларуси, Латвии, Эстонии, Казахстана, Узбекистана, Израиля (всего 74 поэта). Важно заметить, что поэты для исследования выбирались не автором, а *независимыми специалистами*, ведущими филологами и создателями словарей разных эпох русской поэзии (см.: [6]; [22]; [26]; [27]; [28]; [29]; [33]) и выборки поэтов являются достаточно репрезентативными по своему составу.

Затем был введен количественный критерий «*коэффициент эгоцентризма*» (КЭЦ) поэта равный отношению частоты употребления местоимения «я» к частоте употребления местоимения «мы» в стихах поэта. Надо сразу отметить, что КЭЦ может быть уточнён путём учёта склонения личных местоимений «я» и «мы» и образованных супплетивных форм (*меня, мне, мной, обо мне; нас, нам, нами, о нас* и других). Поэтому КЭЦ в данном конкретном, но наиболее важном случае определяется *в первом приближении* и в дальнейшем может быть уточнён. Интересно, что супплетивизм местоимений проявляется не только в русском, но и в других языках: *я* (и. п.) — *меня* (р. п.), лат.: *ego* — *mei*, а также в супплетивных формах существительных: *ребёнок* – *дети, puer* – *liberi*. Конечно, для точной оценки КЭЦ важно учитывать, в *каком контексте* поэты используют местоимения «я» и «мы».

Выделяются два уровня оценки КЭЦ поэта: внутренний и внешний. Внутренний КЭЦ показывает, как меняется отношение употребления местоимений «я» и «мы» в разные периоды творчества **одного поэта**, например, у В. Маяковского до и после 1917 года.

Внешний КЭЦ показывает, как меняется частота употребления местоимений «я» и «мы» у **разных поэтов** по отношению друг к другу, например, Г. Державина по отношению к В. Тредиаковскому.

Эгоцентризм поэтов XVIII века

Таблица 1. Количество словоупотреблений (КСУ) в стихах поэтов XVIII века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) по данным [22].

№	Поэты XVIII века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	Г. Державин	93426	663	129	5,14
2	А. Кантемир	49935	261	56	4,66

3	Н. Карамзин	40719	328	118	2,78
4	М. Ломоносов	53303	243	120	2,03
5	А. Радищев	19084	114	47	2,43
6	В. Тредиаковский	68500	305	225	1,36
7	А. Сумароков	76598	1174	178	6,60
8	И. Дмитриев	55564	759	103	7,37
9	М. Херасков	56702	663	222	2,99
10	И. Крылов	42615	505	81	6,23
	Среднее по XVIII в.	55645	502	128	4,16

Список девяти первых поэтов XVIII века взят из «Синтаксического словаря русской поэзии XVIII века» (под ред. Н. Патроевой) [26] и к ним добавлен И. Крылов. Данные в *таблице 1* найдены по новой, более полной версии цифрового поэтического корпуса русского языка (ПКРЯ) [22], а КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

Наибольшая абсолютная частота употребления личного местоимения «я» у А. Сумарокова (1174 раза), местоимения «мы» – у В. Тредиаковского (225 раз). Максимальный КЭЦ у И. Дмитриева (7,37), а минимальный КЭЦ у В. Тредиаковского (1,36). Средняя величина объемов рассмотренных поэтических текстов XVIII века 55645 слов, а средний коэффициент эгоцентризма по группе поэтов 4,16. В XVIII веке нет ни одного поэта, у которого частота употребления личного местоимения «я» была бы меньше, чем частота употребления местоимения «мы». Василий Тредиаковский наименее эгоцентричен среди поэтов XVIII века и чаще всего говорит от имени «мы»:

*Вот в какову теперь **мы** славу введены!
Но славою сей тебе **мы**, отче наши, должны.
Когда б не врал стихов, **мы** б в вечном сне замерзли
Или в несётной бы алчбе как прах исчезли.
Сию ты продолжай к нам ревностну щедроту;
Дадим к вранью еще **мы** большую охоту.*

В. К. Тредиаковский. «Неутомимый наш и ревностный певец...»
(Эпистола от водки и сивухи к Ломоносову (1753-1759))

Если КЭЦ поэта больше средней по группе – 4,16, то условно будем считать, что поэт – эгоцентрик, например, Дмитриев (7,37), Сумароков (6,60), Крылов (6,23), Державин (5,14), Кантемир (4,66).

Эгоцентризм поэтов Золотого века русской поэзии

Таблица 2. Количество словоупотреблений (КСУ) в стихах поэтов XIX века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) по данным [22].

№	Поэты XIX века, Золотого века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	А. Пушкин	195572	2635	409	6,44
2	М. Лермонтов	132819	2371	223	10,63
3	Е. Баратынский	39641	740	101	7,33
4	К. Батюшков	34879	349	69	5,06
5	П. Вяземский	68076	618	174	3,55
6	Ф. Тютчев	33818	196	112	1,75
7	К. Рылеев	24333	282	49	5,76
8	А. Кольцов	20143	338	49	6,90
9	А. Дельвиг	28428	489	105	4,66
10	А. Бестужев- Марлинский	6244	52	7	7,43
	Среднее по XIX в.	58395	807	130	6,94

Список десяти *наиболее цитируемых* поэтов XIX века был составлен известным норвежским лингвистом Г. Хьетсо, первым определившим лексическую норму Пушкинской эпохи [19]; [37]; [38]. Данные по КСУ и частоте местоимений «я» и «мы» в *таблице 2* найдены в электронном поэтическом корпусе русского языка (ПКРЯ) [22], а КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

Лидером является, конечно, А. Пушкин (КЭЦ – 6,44) по *абсолютному* употреблению в стихах местоимений «я» (2635 раз) и «мы» (409 раз, проверка по Конкордансу [36], [42] даёт 418 раз), поскольку он обладает колоссальной языковой энергетикой: за 37 лет жизни А. Пушкин написал больше всех русских поэтов – 195572 слова только в поэзии.

Но в *относительных* величинах М. Лермонтов является лидером XIX и других веков по коэффициенту эгоцентризма и существенно опережает А. Пушкина: КЭЦ М. Лермонтова равен 10,63 (2371/223), см. *табл. 2*.

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

М. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...» (1841)

Среднее значение КЭЦ по всему XIX веку – 6,94 существенно выше, чем среднее значение КЭЦ по XVIII веку – 4,16, и эгоцентризм в русском поэтическом языке растёт от эпохи Державина к эпохе Пушкина.

В XIX веке у всех рассмотренных поэтов частота употребления местоимения «я» выше, чем частота употребления местоимения «мы». Наименьшее значение коэффициента эгоцентризма в Золотом веке русской поэзии у Фёдора Тютчева – 1,75. Как тут не вспомнить классическое четверостишие поэта, известное нам со школьной скамьи, но тогда мы не очень сильно задумывались о том, что оно в избытке содержит супплетивные формы личного местоимения «мы»:

*Нам не дано предугадать,
Как слово **наше** отзовется, –
И **нам** сочувствие дается,
Как **нам** дается благодать...*

Эгоцентризм А. Пушкина до и после важных событий

В период творчества А. Пушкина с 1813 по 1836 год наблюдаются наиболее высокие значения употреблений личных местоимений «я» и «мы» два раза: перед восстанием декабристов в конце 1825 года и перед женитьбой поэта в начале 1831 года. Это были два судьбоносных события в жизни А. Пушкина: одно – общественное, другое – личное. Посмотрим статистику употреблений местоимений «я» и «мы» до и после этих важнейших событий в жизни поэта.

Вначале взглянем на весь период творчества поэта, в котором восстание декабристов в конце 1825 года приходится почти на середину периода.

Таблица 3. Употребление личных местоимений «я» и «мы» во всём творчестве А. Пушкина до и после восстания декабристов в конце 1825 года и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) поэта по данным [22].

Поэт	Годы	Годы	Источник
А. Пушкин	1813 – 1825	1826 – 1836	ПКРЯ, сумма
Частота «я»	1543	1092	2635
Частота «мы»	218	191	409
КЭЦ	7,08	5,72	

Возможно, высокая частота употребления местоимения «я» в период 1813 – 1825 (1543 раза) объясняется молодостью поэта, поэтому рассмотрим КЭЦ, когда фактор возраста не играл существенной роли.

Таблица 4. Употребление личных местоимений «я» и «мы» в творчестве А. Пушкина *за два года до и два года после* восстания декабристов в конце 1825 года и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) поэта.

Поэт	Годы	Годы	Источник
А. Пушкин	1824 – 1825	1826 – 1827	ПКРЯ, сумма
Частота «я»	513	97	610
Частота «мы»	91	26	117
КЭЦ	5,64	3,73	

Из таблиц 3 и 4 видно, что коэффициент эгоцентризма в поэтическом языке А. Пушкина снизился после *восстания декабристов* 1825 года.

Как повлияло на употребление местоимений «я» и «мы» А. Пушкиным важное событие его личной жизни – *женитьба*?

Таблица 5. Употребление личных местоимений «я» и «мы» в творчестве А. Пушкина *за два года до и два года после женитьбы* в феврале 1831 года и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) поэта.

Поэт	Годы	Годы	Источник
А. Пушкин	1829 – 1830	1831 – 1832	ПКРЯ, сумма
Частота «я»	534	109	643
Частота «мы»	61	37	98
КЭЦ	8,75	2,95	

Спорить с числами и фактами сложно, но интерпретировать и объяснять количественные результаты можно по-разному. Заметим, что дело лингвостатистиков – статистический анализ текстов поэтов, а интерпретация и объяснение полученных объективных результатов – дело филологов, поэтому они должны работать вместе (см.: [8]; [18]; [21]; [30]; [31]).

Эгоцентризм поэтов Серебряного века русской поэзии

Таблица 6. Количество словоупотреблений (КСУ) в стихах поэтов Серебряного века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ), данные [22].

№	Поэты Серебряного века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	М. Цветаева	168711	1380	472	2,92
2	В. Маяковский	134345	1024	548	1,87
3	А. Блок	113317	1744	364	4,79
4	М. Кузмин	91571	1556	306	5,08
5	Б. Пастернак	77763	687	151	4,55

6	О. Мандельштам	59588	783	179	4,37
7	С. Есенин	58456	1161	193	6,02
8	А. Ахматова	56403	1060	173	6,13
9	В. Хлебников	54911	471	158	2,98
10	И. Анненский	28781	448	92	4,87
11	А. Белый	54161	596	183	3,26
12	Н Гумилёв	67452	1150	212	5,42
13	И. Северянин	56982	939	163	5,76
14	В. Брюсов	185229	2776	933	2,98
15	И. Бунин	80276	728	125	5,82
	Среднее по Сереб. веку	85863	1100	283	4,46

Список десяти поэтов Серебряного века был взят из «Словаря языка русской поэзии XX века», Института русского языка РАН, сост. Л. Шестакова [28] и к нему для репрезентативности добавлены ещё пять поэтов: А. Белый, Н Гумилёв, И. Северянин, В. Брюсов, И. Бунин.

Данные *таблицы 6* найдены в поэтическом корпусе русского языка (ПКРЯ) [22], а КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

Наибольший КЭЦ для поэтов Серебряного века найден, как ни странно, не у И. Северянина (5,76), Н. Гумилёва (5,42), М. Кузмина (5,08) – они, конечно, эгоцентрики, их КЭЦ больше среднего по группе – 4,46, но КЭЦ ещё выше у А. Ахматовой (6,13) и у С. Есенина (6,02).

*Я бросила тысячи звонниц
В мою ледяную Неву,
И я королевой бессонниц
С той ночи повсюду слыву [4].*

А. Ахматова «Я бросила тысячи звонниц», 1959

*Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.
А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу [9].*

С. Есенин «Над окошком месяц. Под окошком ветер...», 1925

На эгоцентризм поэтов могут влиять многие события, как внутренние, личные, так и внешние, общественные. Примером внешнего влияния является эгоцентризм в стихах В. Маяковского до и после революции.

Эгоцентризм В. Маяковского до и после 1917 года

Таблица 7. Коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) в стихах В. Маяковского (5 лет до и 5 лет после революции 1917 года).

Период	Частота «Я»	Период	Частота «МЫ»	КЭЦ
1913-1917	216	1913-1917	26	8,31
1918-1922	149	1918-1922	66	2,26

Пример В. Маяковского показывает, что у поэта могут быть периоды повышенного эгоцентризма, как правило в раннем творчестве. Но внешняя причина резкого увеличения употребления в стихах В. Маяковского местоимения «мы» и снижения употребления местоимения «я» после 1917 года очевидна – революция, переход к другому, коллективному общественному строю, который поэт принял и воспел. После 1917 года частота местоимение «мы» в стихах В. Маяковского сильно увеличилась, а местоимения «я» уменьшилась. Нет ничего удивительного в том, что у Маяковского очень высокая частота употребления местоимения «мы», и поэтому минимальный КЭЦ среди поэтов Серебряного века, в целом не принявших коммунистический проект «мы» и не спешащих, по ироничным словам С. Есенина, «*задрав штаны, бежать за комсомолом*» [9].

Об этом же пишет поэт и литературный критик К. Корчагин в статье «Поэтическое **мы** от авангарда 1920-х годов до новейшей политической поэзии» // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 9–22 [10]:

«В русской поэзии XX века можно проследить специфическое употребление местоимения **мы**, которое, по всей видимости, связано с глубоким вовлечением ряда поэтов в марксистский интеллектуальный проект – и в тех случаях, когда они присягали ему...». И далее: «Самый характерный пример здесь, конечно, Владимир Маяковский, у которого **мы** едва ли не самое часто из используемых местоимений». Затем Корчагин замечает, что «лингвистическая поэтика смыкается с философской герменевтикой, но если последняя движется «дедуктивно», от общих концепций к конкретным текстам, то первая, напротив, предпочитает «индуктивное» движение, когда обобщения делаются на основе анализа текстов».

Повторим ещё раз: важно, в *каком контексте* поэт использует местоимения «я» и «мы», их смысл можно распознать по *конкордансу поэта*, а часто и с помощью программ искусственного интеллекта, но это – будущее лингвистической поэтики и тема отдельной статьи.

Эгоцентризм поэтов второй половины XX века

Таблица 8. Количество словоупотреблений (КСУ) в стихах поэтов второй половины XX века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ).

№	Поэты второй половины XX века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	И. Бродский	153860	2292	896	2,56
2	Е. Евтушенко	109852	2014	428	4,71
3	Б. Слуцкий	123794	1569	427	3,67
4	Д. Бобышев	12030	99	30	3,30
5	М. Айзенберг	35064	269	140	1,92
6	С. Гандлевский	15530	174	47	3,70
7	А. Ерёмченко	12304	165	48	3,44
8	И. Жданов	13216	62	40	1,55
9	Б. Кенжеев	37062	282	85	3,32
10	А. Кушнер	29404	301	119	2,53
11	Е. Рейн	41793	681	171	3,98
12	О. Седакова	35191	376	165	2,28
13	А. Цветков	30880	293	120	2,44
14	О. Чухонцев	46085	477	131	3,64
15	Д. Самойлов	73173	784	314	2,50
	Среднее в. п. XX в.	51283	656	211	3,04

Список поэтов второй половины XX века был составлен специалистами Поэтического корпуса русского языка (ПКРЯ) [22]. Однако в ПКРЯ в цифровом корпусе стихов И. Бродского *задублировано* около трети стихов, поэтому для него данные по КСУ и личным местоимениям «я» и «мы» были взяты из «Конкорданса к поэзии И. Бродского» в 6 томах, составленного лингвистом университета МакГилл в Монреале Т. Патера [41]. Данные из ПКРЯ и конкорданса к стихам И. Бродского сведены в *таблицу 5*, а КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

Максимальное абсолютное значение употреблений местоимений «я» (2292) и «мы» (896) наблюдается в поэзии И. Бродского, так как у него наибольший словесный потенциал (153860 слов и словарный запас 19650 лексем [41]), *«потому что искусство поэзии требует слов»* [5].

Однако максимальное значение коэффициента эгоцентризма, как и можно было предположить, найдено в стихах Е. Евтушенко (КЭЦ – 4,7). Минимальное значение КЭЦ – 1,55 у И. Жданова. Среднее значение КЭЦ для поэтов второй половины XX века равно

3,04, и оно ниже, чем у поэтов Золотого века (КЭЦ – 6,94) и Серебряного века (КЭЦ – 4,46).

Поэтами эгоцентриками (у кого КЭЦ выше среднего значения – 3,04) являются: Е. Евтушенко (4,7), Е. Рейн (4,0), Б. Слуцкий (3,7), С. Гандлевский (3,7), О. Чухонцев (3,6), А. Ерёмченко (3,4), Д. Бобышев (3,3), Б. Кенжеев (3,3).

Поэты второй половины XX века, у кого КЭЦ ниже среднего значения, являются: И. Жданов (1,6), М. Айзенберг (1,9), О. Сedaкова (2,3), А. Цветков (2,4), Д. Самойлов (2,5), А. Кушнер (2,5), И. Бродский (2,6).

Эгоцентризм И. Бродского до и после эмиграции

Примеры влияния важнейших общественных и личных событий в жизни поэтов Золотого и Серебряного веков на изменение коэффициента эгоцентризма в их стихах было приведено выше. Ещё одним примером влияния важного личного события на частоту употреблений местоимений «я» и «мы» в стихах поэта второй половины XX века может служить эмиграция И. Бродского в июне 1972 года.

Частота употребления местоимение «я» достигает максимума три раза за весь период творчества поэта (1957–1996): в 1961, 1964 и 1969 годах и всё время идёт по возрастанию, насчитывая несколько сотен употреблений в год. Но после эмиграции частота употребления местоимение «я» резко падает во много раз и никогда больше не достигает тех значений, которые были до отъезда с родины. На высокую частоту употребления местоимения «я» в период 1961–1969 годы, конечно, влияла и молодость поэта (в ранний период творчества частота употребления «я» высокая у всех поэтов), но падение частоты употребления «я» после эмиграции у Бродского, сложившегося поэта 32 лет, очень сильное [22], [41].

Частота употребления местоимение «мы» в стихах И. Бродского также имеет три максимума: в 1961–1962 годах, в 1969 году, и в год отъезда – в 1972 году. Первая и самая высокая частота употребления местоимения «мы» наблюдается у поэта в 1961–1962 году и, вероятно, связана с принадлежностью к группе поэтов («мы»), «ахматовских сирот»: Е. Рейна, Д. Бобышева, А. Наймана и И. Бродского. Поэт пишет в поэме «Шествие» в 1961 году [5]:

*а цель одна и в тот и в этот раз,
да, цель одна: пусть не тревожат нас.
Пусть не тревожат нас в осенний день.
Нам нелегко, ведь мы и плоть и тень
одновременно, вместе тень и свет,
считайте так, что нас на свете нет,*

*что вас толкнула тень, а не плечо.
А нам прожить хотя бы день еще,
мы не помеха, не забьемся в щель.
А может быть, у них другая цель.*

Частота местоимения «мы» после отъезда поэта тоже снижается, но в отличие от местоимения «я», снижается намного меньше, поэтому коэффициент эгоцентризма КЭЦ И. Бродского после эмиграции падает. Приведенные выше примеры показывают, что важнейшие события в общественной и личной жизни поэтов *могут отражаться* на частоте употреблений личных местоимений «я» и «мы» в стихах поэтов, но эта связь не однозначная, и её надо каждый раз проверять.

Эгоцентризм российских поэтов XXI века

Таблица 9. Количество словоупотреблений (КСУ) в стихах российских поэтов (РП) XXI века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ).

№	Российские поэты XXI века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	Р. Амелин	19939	321	146	2,20
2	А. Глазова	12860	9	9	1,00
3	В. Бородин	8531	59	24	2,46
4	Л. Юсупова	26580	295	36	8,19
5	В. Банников	35239	793	110	7,21
6	К. Корчагин	16812	57	86	0,66
7	О. Васякина	17143	375	177	2,12
8	Г. Рымбу	37611	264	283	0,93
9	К. Коблов	11191	157	36	4,36
10	С. Могилёва	20028	226	91	2,48
11	А. Азаренков	8668	74	34	2,18
12	А. Орлицкая	6929	37	23	1,61
13	М. Малиновская	14986	354	79	4,48
14	А. Горбунова	63902	762	236	3,23
	Среднее РП XXI в.	21459	270	98	3,08

Список 14 российских поэтов двух первых десятилетий XXI века был составлен тремя независимыми жюри [15], [33], состоящими из литературных критиков. Жюри издательского проекта «Центрифуга» Центра Вознесенского в Москве [33] в составе: Мария Степанова, Илья Данишевский и Лев Оборин, – выбрало из большого числа кандидатов четырёх поэтов для публикации книг стихов. В их числе оказались: Ростислав Амелин, Анна Глазова, Василий Бородин и Лида Юсупова.

Главный редактор журнала современной русскоязычной поэзии «Воздух» Дмитрий Кузьмин (Латвия) предложил для исследования пять поэтов из России: Вадима Банникова, Кирилла Корчагина, Оксану Васякину, Галину Рымбу и Кузьму Коблова.

Литературный критик Юрий Орлицкий (РГГУ, Москва) отобрал для проекта четырёх поэтов из России: Станиславу Могилёву, Антона Азаренкова, Анну Орлицкую и Аллу Горбунову.

Автор статьи добавил к ним Марию Малиновскую.

Поэты прислали автору репрезентативные корпуса своих стихов, по ним был проведён подсчёт частоты употребления местоимений «я» и «мы» в стихах современных российских поэтов и результаты представлены в таблице 9. КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

Максимальное абсолютное значение употреблений местоимения «я» наблюдается у В. Банникова (793), что можно было предположить, читая его стихи. Максимальное абсолютное значение употреблений местоимения «мы» встречается у Г. Рымбу (283), отсюда низкий КЭЦ – 0,93. Наибольшее значение КЭЦ – 8,2 наблюдается у Л. Юсуповой, но здесь надо заметить, что её стихи – уникальный поэтический эксперимент, они написаны на основе лексики судебных приговоров.

Наиболее интересным феноменом и одновременно парадоксом, найденном при исследовании языка поэтов XXI века, является *анти-эгоцентризм* поэта К. Корчагина. Феномен его творчества состоит в том, что в поэтическом языке Корчагина наименьший коэффициент эгоцентризма – 0,66 из 74 русских поэтов XVIII – XXI веков. А «парадокс Корчагина» заключается в том, что поэт говорит: «*Стихи – это фабрика по производству Я...*» [11], однако местоимение «я» в стихах самого К. Корчагина встречается на 50% реже, чем «мы». Это значит, что поэт, по словам Б. Окуджавы «*как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить*», а оптика и поэта, и критика К. Корчагина фокусируется на «мы». В качестве литературного критика К. Корчагин написал глубокую статью о поэтическом «мы» в произведениях от авангарда 20-х годов XX века до новейшей поэзии XXI века [10]. Связь критика и поэта проявилась в статье и в стихах К. Корчагина, как в веере литературных ассоциаций, так и в прямых цитатах [12]:

зияющая высь марксистских глаз
память о них их выраженьё
мы мир насилия разрушим
пока весна *эллинская* в партийной ячейке
расправляет крылья

При обсуждении в университете Трира цикла стихов К. Корчагина [25] «*И это всё враньё*» поэту был задан вопрос о роли

«мы» в поэтическом языке. Объяснить найденный феномен «мы» и анти-эгоцентризм поэта К. Корчагина – задача для литературных критиков, занимающихся его творчеством и его философской герменевтикой [12].

Эгоцентризм русскоязычных зарубежных поэтов XXI века

Таблица 10. Количество словоупотреблений в стихах зарубежных поэтов (ЗП) XXI века и коэффициент эгоцентризма (КЭЦ).

№	Зарубежные поэты XXI века	КСУ	Частота «я»	Частота «мы»	КЭЦ
1	Д. Строцев	43587	530	153	3,46
2	Т. Скарынкина	6193	80	49	1,63
3	М. Бородин	17870	99	35	2,83
4	О. Брагина	10078	54	40	1,35
5	А. Полунин	24335	209	69	3,03
6	В. Карасёв	9584	60	29	2,07
7	П. Банников	17262	163	93	1,75
8	Ш. Абдуллаев	25793	38	49	0,78
9	Г-Д. Зингер	21989	201	102	1,97
10	Л. Йоонас	16039	135	93	1,45
	Среднее ЗП XXI в.	19273	157	71	2,03

Автор статьи при помощи главного редактора международного журнала современной русскоязычной поэзии «Воздух» Дмитрия Кузьмина выбрал для исследования 10 следующих зарубежных поэтов: Дмитрия Строцева, Татьяну Скарынкину, (Беларусь), Максима Бородина, Ольгу Брагину, Антона Полунина (Украина), Василия Карасёва (Латвия), Павла Банникова (Казахстан), Шамшада Абдуллаева (Узбекистан), Гали-Дану Зингер (Израиль), Ларису Йоонас (Эстония).

Поэты прислали автору репрезентативные корпуса своих стихов, по ним был проведён подсчёт частоты употребления местоимений «я» и «мы» в стихах современных зарубежных поэтов и результаты представлены в таблице 10. КЭЦ рассчитан по формуле: частота «я» / частота «мы».

У Дмитрия Строцева – ведущего современного поэта Беларуси, максимальная абсолютная частота употребления местоимений «я» (530) и «мы» (153), поскольку у него больше всего слов в поэтическом корпусе (43587). Относительная величина коэффициента эгоцентризма (КЭЦ) у Д. Строцева также наибольшая среди зарубежных русскоязычных поэтов XXI века (КЭЦ – 3,46).

Среднее значение КЭЦ по группе зарубежных поэтов равно 2,03 и эгоцентриками, чей КЭЦ превышает среднее значение, являются:

Дмитрий Строчев (Беларусь), Максим Бородин (Украина), Антон Полунин (Украина), Василий Карасев (Латвия).

Минимальное значение коэффициента эгоцентризма (КЭЦ – 0,78) среди зарубежных поэтов наблюдается у известного русскоязычного поэта из Узбекистана Шамшад Абдуллаева, и оно существенно меньше единицы. Ш. Абдуллаев вместе с К. Корчагиным (КЭЦ – 0,66) является лидером по **анти-эгоцентризму** (заметим, что в эту группу, но с более высоким КЭЦ – 0,93, входит ещё Галина Рымбу).

Что общего между такими, казалось бы, разными поэтами как К. Корчагин и Ш. Абдуллаев, между их поэтическими языками? Корчагин в интервью Екатерине Писаревой «Стихи – это фабрика по производству Я» говорит: «Это и те поэты, что ставят вопрос об оптике, о передаче зрительного впечатления и его границах, – как Шамшад Абдуллаев» [11].

При передаче *зрительного впечатления и его границах* в живописи существуют два понятия: прямой и обратной перспективы. При прямой перспективе линии на картине сходятся на горизонте в одной точке, назовём её точкой «я» и уменьшают предметы на картине. При обратной перспективе линии расходятся из одной точки «я» и увеличивают предметы на картине, назовём их точкой «мы» (см. *рис. 1*). Необходимость использования обратной перспективы, например, в *русской иконописи*, философ Пётр Флоренский объяснял желанием художника сделать картину *окном в другой мир*, выходом к Богу во Вселенную, в бесконечную звёздную пыль.

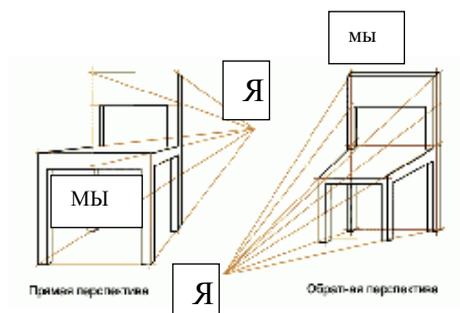

Рис. 1. Прямая и обратная перспективы «Я» и «Мы»

Большинство поэтов являются эгоцентриками, обладают *оптикой прямой перспективы*, сужающейся к горизонту, как свет в конце туннеля, к «фабрике по производству собственного Я».

Большинство поэтов стремятся «от окраины к центру», как писал И. Бродский [5], от окраины «мы» к центру «я», к увековечиванию самого себя во времени.

Но *оптика обратной перспективы* Ш. Абдуллаева расширяется, наоборот, от «я» к «мы», и она же доминирует в стихах К. Корчагина. В этой *оптике обратной перспективы*, в «приближении окраин», расширяющейся Вселенной от «я» до «мы», есть то общее, что присуще двум поэтам, тот Млечный путь, который их соединяет [1], [2], [12]. Звёздная «пыль» Вселенной – одна из самых частых лексем в поэзии Ш. Абдуллаева, о чём мне уже приходилось писать [15]:

ПЫЛЬ

*Где она обитает, повсеместная, но всюду гонимая с губ стекла,
на котором четырехуго рвет «граница одиночества»?*

В этом случае с возрастом приходит смелость безразличия [1].

Автор статьи, думая о необычных словосочетаниях и о наиболее частых лексемах Ш. Абдуллаева «пыль» и «время», пришёл к другой метафоре: «*Пыль – это пепел сгоревшего времени*». А «время», отвечает поэт, – это «ничто, чреватое числами» [1], [2]. К. Корчагин соединил *оптикой обратной перспективы* в одной строке, возможно, и сам того не ведая, три понятия: «пыль», «время» и «мы»:

когда путешественник златоволосый

пыль презирая es ist zeit sagt mir и мы

открыты двери не светятся окна и голос другой

К. Корчагин «Все вещи мира» [12].

«**Время**» (Die Zeit) – самая частая лексема в стихах как российских, так и зарубежных поэтов XXI века [15], в том числе и Ш. Абдуллаева, а местоимение «мы» – то, на чём фокусируется оптика поэта и литературного критика К. Корчагина [10], [11], [12]. Подобные связи, например, оптику обратной перспективы личных местоимений «я» и «мы», между поэтическими языками поэтов, можно найти только путём *цифрового анализа больших объёмов текстов* [13], [40].

В цифровом исследовании было проанализировано 3,7 миллиона слов у 74 русских поэтов XVIII–XXI веков, и только у трёх поэтов К. Корчагина, Ш. Абдуллаева, Г. Рымбу была обнаружена *оптика обратной перспективы*, направленная от личного местоимения «я» к личному местоимению «мы», у этих поэтов коэффициент эгоцентризма КЭЦ меньше единицы.

Надо отметить, что подобный цифровой, сопоставительный анализ может быть проведён и для других частей речи, например, имён существительных [3], [8], [15], [16], [24], прилагательных [17], глаголов [30].

Сводная таблица эгоцентризма поэтов разных эпох и групп

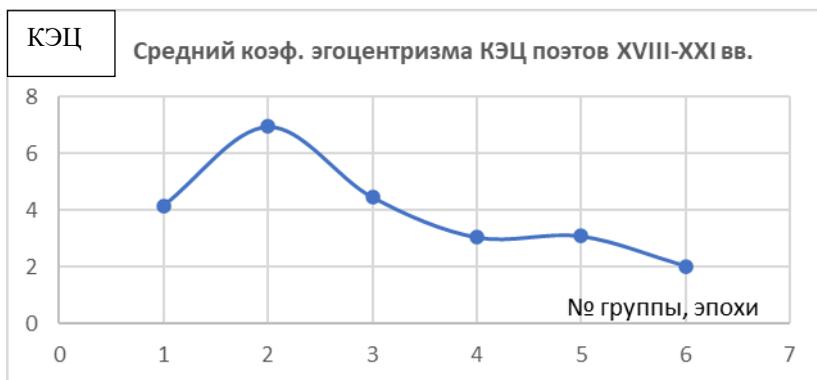
Таблица 11. Средний коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) для шести групп и пяти эпох русской поэзии: XVIII век, XIX век, XX-1 – первая половина XX века, XX-2 – вторая половина XX века, XXI-РП – российские поэты (РП) XXI века, XXI-ЗП – зарубежные поэты (ЗП) XXI века, см. средний КЭЦ в таблицах 1, 2, 6, 8, 9, 10.

№	Век	Кол-во поэтов	Средний КЭЦ по группе	Имя века русской поэзии
1	XVIII	10	4,16	
2	XIX	10	6,94	Золотой век
3	XX-1	15	4,46	Серебряный век
4	XX-2	15	3,04	Бронзовый век?
5	XXI-РП	14	3,08	Бронзовый век?
6	XXI-ЗП	10	2,03	

Можно ли будет назвать вторую половину XX века, а возможно, первые два десятилетия XXI века «Бронзовыми веками» русской поэзии?

Или вся бронза уже ушла на памятники великим предшественникам? Это покажет в будущем самая частая лексема в стихах поэтов XXI века – «*Время*» [17]. А пока по сводной *таблице 11* построен *график 1*, показывающий динамику изменения коэффициента эгоцентризма (КЭЦ) в шести группах поэтов и пяти эпохах русской поэзии. В системе координат по горизонтальной оси отложен № группы от 1 до 6, а по вертикальной оси средний коэффициент эгоцентризма по группе от 0 до 8. Как писал Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: «Взрослые очень любят цифры...Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым».

График 1. Зависимость среднего КЭЦ от эпох и групп русской поэзии.

Из *графика 1* видно, что средний коэффициент эгоцентризма (КЭЦ) поэтов в самом начале увеличивается от XVIII века к XIX веку, достигает максимума, а потом начинает убывать от эпохи Пушкина, Золотого века русской поэзии, до наших дней.

Жан Пиаже ввёл в науку термин «эгоцентризм», и как было сказано выше, выделял несколько периодов в развитии мышления и речи ребёнка. В начале жизни эгоцентризм мышления и речи ребёнка увеличивался, достигал максимума в определённый период, а затем в результате общения и кооперации с другими детьми социализировался и убывал.

Таким образом, между развитием эгоцентризма в поэтическом языке разных эпох и развитием эгоцентризма в мышлении ребёнка и его речи в разные периоды жизни [7], [720] можно усмотреть некоторую аналогию: в начале эгоцентризм растёт, достигает максимума, а потом постепенно убывает. Русский поэтический язык (ПЯ), по сравнению с другими ПЯ, ещё молод: от Пушкина до нашего времени прошло всего два века.

Было бы интересно провести сопоставительный анализ коэффициента эгоцентризма 70-80 поэтов разных эпох в каждом из других языков: итальянском, английском, немецком, от Данте, Шекспира, Гёте до наших дней и посмотреть, как меняется эгоцентризм поэтов от эпохи к эпохе и достигает ли он максимума в определённый период? Можно немного пометать и предложить провести такое исследование в рамках международного филологического проекта в других языках. Но мечтая, быть осторожными – мечты иногда сбываются!

Заключение и итоги

Введено новое понятие «коэффициент эгоцентризма» (КЭЦ) равный отношению частоты употребления местоимения «я» к частоте употребления местоимения «мы» в стихах поэтов. Проведён сопоставительный анализ соотношения личных местоимений «я» и «мы» в стихах 74 русских поэтов разных эпох: от XVIII века до наших дней.

Рассмотрены шесть групп ведущих поэтов: XVIII века (10 поэтов); XIX века, Золотого века русской поэзии (10 поэтов пушкинской эпохи); первой половины XX века, включая Серебряный век (15 поэтов); второй половины XX века (15 поэтов) и первых двух десятилетий XXI века – 14 российских поэтов и 10 русскоязычных зарубежных поэтов.

Для каждого поэта по репрезентативным корпусам стихов найдены местоимения «я» и «мы», посчитаны КЭЦ поэта и среднее КЭЦ по группе. Определено, что из 74 выбранных поэтов большинство имеют КЭЦ больше единицы, т. е. местоимение «я» встречается в их стихах чаще, чем местоимение «мы», но имеются три поэта с КЭЦ меньше единицы. Приведены исторические примеры связи между важнейшими общественными и личными событиями в жизни поэтов Золотого, Серебряного веков русской поэзии, а также второй половины XX века и изменениями коэффициента эгоцентричности до и после этих событий.

Показана методика расчёта КЭЦ и что наиболее эгоцентричной группой являются поэты Золотого века (средне КЭЦ пушкинской эпохи около 7). Затем среднее КЭЦ плавно снижается по эпохам до 4,5 у поэтов Серебряного века, до трёх у поэтов второй половины XX века и далее до наименее эгоцентричной группы – русскоязычных зарубежных поэтов XXI века (КЭЦ по группе 2).

В русском поэтическом языке происходит снижение коэффициента эгоцентризма во времени и выравнивание употребления в стихах личных местоимений «я» и «мы» от эпохи Пушкина до наших дней.

Предложено в рамках международного проекта провести аналогичные исследования в других языках – итальянском, английском, немецком, посмотреть, как меняется эгоцентризм поэтов от Данте, Шекспира, Гёте до наших дней и сравнить их с полученными результатами в русском поэтическом языке.

Литература

1. Абдуллаев Ш. Неподвижная поверхность. Книга стихов. Предисловие А. Скидана. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. Серия «Поэзия русской диаспоры». 133 с.

Я. М. Марголис

2. Абдуллаев Ш. Перед местностью. Книга стихов. Москва: АРГО-РИСК, 2017. 107 с.
3. Абрамзон Т. Е. Цифровые методы современной филологии: возможности и ограничения // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной. молодежной научно-практической конференции, 18-20 сентября 2018 г.* / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 9–11.
4. Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Эллис Лак, 1998–.
5. Бродский И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Санкт-Петербург: Лениздат, 2015.
6. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словари поэтического языка поэтов XIX века. Москва: Флинта; Наука, 2013–2018.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва: Лабиринт, 2005. 352 с.
8. Гаспаров М. Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, доклады российской делегации.* Краков, 1998. С. 168–181.
9. Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. Москва: Наука: Голос, 1995–.
10. Корчагин К. Поэтическое мы от авангарда 1920-х годов до новейшей политической поэзии // *Критика и семиотика.* 2019. № 2. С. 9–22.
11. Корчагин К. «Стихи – это фабрика по производству Я...», интервью Е. Писаревой // *Гефтер.* 11.09.2017. URL: <http://gefter.ru/archive/22638> (дата обращения: 22.03.2021).
12. Корчагин К. Все вещи мира. Москва: НЛЮ, 2017. 136 с.
13. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.
14. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // *Libri Magistri.* 2020. № 4 (14). С. 46–75.
15. Марголис Я. М. Транзит языка русских поэтов XXI века во времени и в пространстве // *Libri Magistri.* 2021. № 1 (15). С. 11–49.
16. Марголис Я. М. Транзит имён существительных русского поэтического языка от Пушкина до нашего времени. // *Libri Magistri.* 2021. № 1 (15). С. 50–76.
17. Марголис Я. М. Лексические нормы Золотого и Серебряного веков русской поэзии. // *Libri Magistri.* 2021. № 3 (17) (в печати).

18. Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина. Институт русского языка, Институт языкознания, сектор структурной и прикладной лингвистики: (проспект). Москва: [б. и.], 1963. 50 с.
19. Обзор работ Г. Хьетсо за 1973–1985 годы. Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX века. Сост. В. Баевский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5. С. 452–457.
20. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. Римис, 2008. 448 с.
21. Пиперски А. Частотность в языке. ПостНаука, 2016. URL: <https://postnauka.ru/video/56829> (дата обращения: 15.03.2021).
22. Поэтический корпус русского языка (ПКРЯ), новая цифровая версия в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2021).
23. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 20 т. Санкт-Петербург: Наука, 2009.
24. Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 148–166.
25. Русскоязычная поэзия в транзите, исследовательский проект университета Трира, Германия, рук. Х. Шталь (Henriette Stahl), 2017–2021.
26. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. / под ред. Н. В. Патроевой. Т. 1, 2. Санкт-Петербург: Изд-во Дмитрий Буланин, 2018.
27. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. В. В. Виноградов, 2000 (2-е изд.), Москва: «Азбуковник», 2000.
28. Словарь языка русской поэзии XX века. Том I–VIII / сост: Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2001–2019. (Studia philologica). Ин-т русского языка (ИРЯ) РАН.
29. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 6 т. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.
30. Фрумкина Р. М. О статистическом исследовании словарного состава текстов А. С. Пушкина. Материалы к Частотному словарю языка Пушкина (проспект). Москва, 1963. 5 с.
31. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. Москва: Наука, 1964. 115 с.
32. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Изд-во Эллис Лак, 1997–2015 гг.
33. «Центрифуга». Презентация издательского проект Центра Вознесенского. Москва, 24 октября 2020. URL:

<https://www.voznesenskycenter.ru/prezentatsiya-knig/tsentrifuga-prezentatsiya-izdatelskogo-proekta-tsentra-vozneshenskogo/> (дата обращения: 22.03.2021).

34. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А. А., Бородин В. В., Быкова Н. Я., Козокина С. М., Гордеева Н. А., Макарова Л. А., Шайкевич А. Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» Москва: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.

35. Частотный словарь языка Пушкина, ИРЯ, машинопись. Москва, 1963. URL: <https://bit.ly/36twlI5> (дата обращения: 10.01.2021).

36. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1, 2. Предисловие М. Л. Гаспарова. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 641 с.

37. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 33. 1983. 51 p.

38. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979. Pp. 204–215.

39. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020, URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (дата обращения: 10.01.2021).

40. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.

41. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1–6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada).

42. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.

REFERENCES

1. Abdullaev Sh. Fixed surface. Book of poems. Foreword by A. Skidan. Moscow: New Literary Review, 2003. Series «Poetry of the Russian Diaspora». (In Russian)

2. Abdullaev Sh. In front of the area. Book of poems. Moscow: ARGO-RISK, 2017. (In Russian)

3. Abramzon T. E. Digital methods of modern philology: opportunities and limitations // World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: Collection of IV International Materials. youth scientific-practical conference, September 18-20, 2018 / scientific. ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Magnitogorsk Publishing House. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2018. Pp. 9–11. (In Russian)

4. Akhmatova A. A. Collected works in 6 volumes, ed. Ellis Luck, 1998. (In Russian)
5. Brodsky J. A. Collected works in 6 volumes, Lenizdat, 2015. (In Russian)
6. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. Dictionaries of the poetic language of the 19th century poets. Moscow: Flint; Science, 2013-2018. (In Russian)
7. Vygotsky L. S. Thinking and speaking. Moscow: Labyrinth, 2005. P. 352. (In Russian)
8. Gasparov M. L. Exact methods for analyzing grammar in verse. Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists, reports of the Russian delegation, Krakow, 1998. (In Russian)
9. Yesenin S. Complete works in 7 volumes. Voice, 1995. (In Russian)
10. Korchagin K. Poetic we from the avant-garde of the 1920s to the latest political poetry // Critique and semiotics. 2019. № 2. P. 9–22. (In Russian)
11. Korchagin K. «Poems are a factory for the production of I ...», interview with E. Pisareva, «Gefter» magazine, 09/11/2017 (accessed 22.03.2021). (In Russian)
12. Korchagin K. All things of the world», publishing house UFO, 2017. (In Russian)
13. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik, 2009. (In Russian)
14. Margolis J. M. Quantitative analysis of dictionaries and the transit of Russian-language poetry // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). P. 46-75. (In Russian)
15. Margolis J. M. Transit of the language of Russian poets of the XXI century in time and space // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). P. 11-49. (In Russian)
16. Margolis J. M. Transit of nouns of the Russian poetic language from Pushkin to our time. // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). P. 50-76. (In Russian)
17. Margolis J. M. Lexical norms of the Golden and Silver ages of Russian poetry. // Libri Magistri. 2021. № 3 (16). (In Russian)
18. Materials for the Frequency dictionary of the language of A. S. Pushkin. Institute of the Russian Language, Institute of Linguistics, Sector of Structural and Applied Linguistics. Prospect. Moscow, 1963. (In Russian)

19. Review of G. Hietso's works for 1973-1985. Structure V. Baevsky // *Izv. Academy of Sciences of the USSR. Ser. lit. and lang.* 1986. № 5. (In Russian)
20. Piaget J. *Speech and thinking of a child.* Rimis, 2008. 448 p. (In Russian)
21. Piperski A. *Frequency in language.* PostNauka, 2016. (In Russian)
22. Poetic Corpus of the Russian Language (PCRL), new version in the National Corpus of the Russian Language (RNC), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. (In Russian)
23. Pushkin A. S. *Collected works in 20 volumes.* Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1948. (In Russian)
24. Rudakova S. V. «The winged moment of happiness ...»: the phenomenon of happiness in the lyrics of K. N. Batyushkova // *Libri Magistri.* 2021. № 1 (15). P. 148-166. (In Russian)
25. Russian-language poetry in transit, research project of the University of Trier, Germany, hands. H. Stahl (Henrieke Stahl), 2017–2021. (In Russian)
26. Syntactic dictionary of Russian poetry of the 18th century: in 4 volumes / [ed. N. V. Patroeva]. Volume 1, 2. St. Petersburg: publishing house Dmitry Bulanin, 2018. (In Russian)
27. Dictionary of Pushkin's language in 4 volumes, otv. ed. acad. V.V. Vinogradov, 1956–1961 (1st ed.), 2000 (2nd ed.), Moscow, «Azbukovnik», 2000. (In Russian)
28. Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century. Volume I-VIII, comp: L. L. Shestakova (editor-in-chief), A. S. Kuleva (ed.), A. V. Gik – Moscow: Publishing House YASK, 2001-2019. (*Studia philologica*). Institute of the Russian language (IRL) RAS. (In Russian)
29. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva in 6 volumes, compiled by I. Yu. Belyakova, I. P. Olovyannikova, O. G. Revzin, House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1996-2004. (In Russian)
30. Frumkina R. M. On the statistical study of the vocabulary of texts by A.S. Pushkin. Materials for the Frequency Dictionary of Pushkin's Language. Avenue. Moscow, 1963, 5 p. (In Russian)
31. Frumkina R. M. *Statistical methods of vocabulary learning.* Moscow, 1964. (In Russian)
32. Tsvetaeva M. I. *Collected works in seven volumes.* Ellis Luck Publishing House, 1997–2015. (In Russian)
33. «Centrifuge», publishing project of the Voznesensky Center, Moscow, 2020. (In Russian)

34. Frequency dictionary of the language of M. Yu. Lermontov / Ed. V. V. Borodin, A. Ya. Shaikevich; Compiled by Avdeeva A. A., Borodin V. V., Bykova N. Ya., Kozokina S. M., Gordeeva N. A., Makarova L. A., Shaykevich A. Ya. // Lermontov Encyclopedia / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Rus. lit. (Pushkin. House); Scientific-ed. Council of the publishing house «Sov. Encyclopedia.». Moscow: Sov. Encycl., 1981. (In Russian)

35. Frequency dictionary of Pushkin's language, IRYa, typescript 403 p., 1963, URL: <https://bit.ly/36twlI5> (accessed 10.01.2021). (In Russian)

36. Shaw J. T. Concordance to the poems of A. Pushkin. Volume 1, 2. Foreword by M. L. Gasparov. Moscow: Languages of Slavic culture, 2000. 641 p. (In Russian)

37. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 33. 1983. (In English)

38. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979. (In English)

39. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020, URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (accessed 10.01.2021). (In English)

40. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995. (In English)

41. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6. The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada). (In English)

42. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985. (In English)

THE EGOCENTRISM OF POETS IN DIFFERENT EPOCHS – A COMPARATIVE ANALYSIS

Jakob M. Margolis, Dr., Trier University, Germany

Abstract

This article compares correlation of usage of the personal pronouns “I” and “We” in the poems of Russian poets from different epochs: from the 18th century to our time. A new term of “egocentrism coefficient” (CEC) is introduced which is equal to the ratio of the frequency of usage between the personal pronouns “I” and “We” in the poems of a poet.

Six groups of leading poets are chosen: the 18th century (10 poets), the Golden Age of Russian poetry in the 19th century (10 poets from Pushkin’s time), the first half of the 20th century including the Silver

Я. М. Марголис

Age (15 poets), the second half of the 20th century (15 poets) and the first two decades of the 21st century (14 Russian poets and 10 Russian language poets living outside Russia).

Based on a representative text corpus for each poet the CEC is computed both individually and the average CEC for the group as well. It is determined that out of 74 selected poets, the majority have a CEC above one, i.e. the pronoun "I" is more common than the pronoun "we", but there are three poets with a CEC below one. It is found that the CEC increases from the 18th to the 19th century, the most egocentric group are the poets of the Golden Age (with an average CEC of 7). Then the average CEC gradually decreases to 4.5 in the Silver Age, to 3 in the second half of the 20th century and finally reaches its low point at 2 in the group of Russian language poets of the 21st century living abroad. In the Russian poetic language, there is a decrease in the KEC coefficient of egocentrism in time and the alignment of the use of personal pronouns "I" and "we" in poems from the Pushkin era to the present day.

Keywords: Egocentrism of poets, coefficient of egocentrism, personal pronouns "I" and "We", Golden Age, Silver Age, Russian poetry, comparative analysis, frequency of word use of personal pronouns, Russian poets of the 21st century, dictionary, concordance, poetic text corpus of Russian

Для цитирования: Марголис Я. М. Эгоцентризм поэтов разных эпох сопоставительный анализ // Libri Magistri. 2021. № 3 (17). С. 43–68.

Поступила в редакцию 14.04.2021